

*...Кастальский ключ волною вдохновенья
В степи мирской изгнанников поит.*

(А. С. Пушкин, «Три ключа», 1826 г.)

*...Цветет Парнас! Пред ним, как в оны годы,
Кастальский ключ живой струею бьет;
Нежданый сын последних сил природы —
Возник Поэт,— идет он и поет.*

(Е. А. Баратынский, «Последний поэт», 1835 г.)

1

Утомленный от долгих походов, уставший лицезреть всечеловеческие холмы истории, раскидывал так же свой «независимый бивак» у истоков Кастальского ключа поэт-воин Денис Давыдов. Сказание о вечном вдохновении привлекло и нашего современника, писателя Алексея Яшина. Дельфийские оракулы считались наиболее достоверными по всей Ойкумене. Священный источник Иппокрена и Кастальского ключа, расположенный на склоне горы Парнас, — источник вдохновения, по мнению древних греков, обладал исключительным свойством возбуждать поэтический дар. Почему же обращается к этой удивительно красивой легенде Алексей Яшин? А причина та же, как он объясняет в своей новой книге «Житие наше оцифрованное: Новеллино (девятая книга рассказов Николая Андреевича» (М., 2019), — «появление в подлунном мире класса писателей». «Словом, всех тех, кто за хлебом насущным притерся к одной из муз античного пантеона, что обитали возле вдохновляющих источников Иппокрена и Кастальского ключа в Дельфах: Эрате, Эвтерпе, Каллиопе, Клио, Мельпомене и Талии», — так образно говорит он о братьях по перу. «Житие наше оцифрованное» — авторитетное издание, приуроченное к юбилейной дате, к 85-летию создания Союза писателей СССР, к которому Алексей Афанасьевич Яшин имеет честь принадлежать, а еще и к 60-летию Тульской писательской организации, салтыковско-щедринской, как ее по праву он сам называет.

Пожалуй, Алексей Яшин оказался единственным автором, отметившем столь значительное событие некогда великой и единой Державы изданием весьма любопытного и редкого труда. Первая глава книги «Кастальский ключ из водопровода. Историческое сказание от Гостомысла до наших дней», написанная по формату обширнейшей и добротной статьи Белинского, перерастает у него в целый роман. «Эпопея нашего времени есть роман», — подтверждал основоположник русского нигилизма. Главное не терять темперамента и четко разметить литературное поле, и

расставить правильные акценты, где «вовсе не едкая щедринская сатира, но несколько грустное философствование, скорее сочувствие к современным избранникам муз, что выпало им жить в эпоху жестоковыйной глобализации, разрушения СССР, перехода от социально ориентированного сообщества к самой дикой форме, homo homine lupus est, частнособственничества, накопительства и потребления», — убежден А. Яшин, что мы и видим в данном его повествовании.

Само понятие литературы в начале третьего тысячелетия не выдерживает никакого сравнения с минувшими десятилетиями и веками, замечает известный критик В. Лютый. При всей, казалось бы, свободе мысли, сложились новые зоны размежевания и табуирования. Для нынешнего дня одной из самых сложных задач оказывается создание мировоззренческого и идеологического романа. Мы наблюдаем все большее сближение документальной и художественной литературы, когда литературный реализм приобретает новые черты публицистичности, что, собственно, есть и в романе А. Яшина. Не помешает напомнить и о самом авторе, личность которого не перестает удивлять многогранностью своей деятельности: писательской, научной, общественной. Алексей Афанасьевич Яшин — прозаик, поэт, известный ученый с мировым именем, главный редактор всероссийского ордена Г. Р. Державина литературного журнала «Приокские зори», всего не перечить. Надо отметить, он относится к писателям с ярко выраженным нестандартным мышлением, ему свойственен многогранный охват разнообразных явлений жизни, редчайший дар анализа и предвидения. Сфера его интересов поражает воображение: история, политика, экономика, образование и армия, не говоря уже о научных изысканиях в различных областях знания, — такова всеобъемлющая проблематика интеллектуальных повествований автора. Он аналитик от Бога, любовь к Родине, русская почва, классическая традиция в литературе — характерные черты, базис, надстройка текстов писателя. Хроно, летопись истории советской и отчасти современной литературы, блистательно осуществленные им, — уникальное занятие и своего рода уникальный эксперимент!

Перед нами жанрово показательная книга, с присущей ей философской подсветкой, написанная с эпохальным размахом, объем которой включает более 300 страниц текста, 6 частей, охватывающих историю русской и советской литературы на фоне широкого круга проблем человеческого бытия, причем в разных его проявлениях и ипостасях. История страны проходит через наши судьбы и наши равнодушные сердца, и автор, обладая собственным мировоззрением, размышляя и сопоставляя те или иные факты, подводит нас к определенным выводам, иносказательно представляя нашу с вами повседневность, как бы изнутри и во взаимосвязи с окружающим миром, во всей вселенской синергии. Он избрал непростое построение книги, давая происходящему свою нравственную оценку, придерживаясь и своих принципов одухотворения, которые непосредственно черпает в Кастальском ключе: предисловие — о современной литературе как салонном виде творчества; центральная глава — «Историческое сказание от Гостомысла до наших дней»; другая глава — о западном цифровом глобализме, исключая самого человека; третья и четвертая — об эпохе компьютеризации, сменившей эпоху Гутенберга; две заключительные новеллы — экскурс в историю российских военно-международных отношений, содержащих пророческие выводы и о судьбах русского мира, ее культуры и литературы. «Русь — страна особая», — отдельным штрихом подчеркнет автор извечный феномен, озабоченный потерей нашей самобытности, расчеловечиванием социума, пресловутым «переходом от слова к цифре». Публицист и философ Зиновьев точно дал название подобному обществу — человеконик, который в ноосфере явно уступит место глобальному разуму коллектива, полностью исключая волю и разум индивидуума.

Роман появился, как говорится, исключительно своевременно. Выиграем ли мы эту колоссальную по своему масштабу битву за человека? Такая же глобальная проблема и в романе А. Яшина — влияние художественной культуры и литературы на

действительность, на человеческую душу. Сумеет ли литература отстоять высокие ценности, завещанные русскими классиками? Трагизм XX века, несовершенство человека переносится и сталкивается с теми же похожими социальными явлениями и в XXI веке. Автор намеренно включает в повествование яркие символы каждой эпохи: ее политических лидеров и ведущих деятелей литературы. Роман прочитывается как феномен своего века, как художественная летопись времени, идущая из прошлого к современности, убедительно и наглядно доказывая, что «еще не обнулен Молохом глобализма художественный творческий потенциал русского человека!» Авторская идея нова и оригинальна — осветить роль русской литературы, ее значение на ход истории, на человеческую жизнь, но жанр при этом традиционный, почтенный.

У А. Яшина собственное прочтение темы, достаточно сложной, противоречивой, свое измерение судеб художников и их произведений, оказавших немалое влияние на те или иные ключевые события нашего бытия. «Писать абсолютно по-своему», отстаивать «совершенно самостоятельное видение окружающего» — вот эталон классического письма, которого строго придерживался И. Бунин. В книге А. Яшина нет академического занудства при всех научных регалиях ее автора, его энциклопедических познаниях, все это как-то отодвигается, и личность автора не выходит на первый план, а вот философская глубина сочетается с необычайной увлекательностью сюжета. Сегодня исчезли бытописатели подобного размаха: беллетристы, статисты, кто угодно, публицисты на злобу дня, художники плакатного слова, но не литераторы, идущие от развернутой ретроспективы, от истоков к настоящему и будущему. И все же — высокоинтеллектуальное чтение никто не отменял. В этой исторической ретроспективе и заключается понимание наследия, понимание чувства Родины, когда русская литература открывается как всечеловеческая ценность, о чем говорил философ и историк Н. Арсеньев.

А. Яшин в сплетениях обычных моментов высвечивает незыблемые корни национальной истории — духовный путь народа, сохранения себя, родного языка и слова, богатой русской культуры. Четкая позиция автора и стиль аналитика вписываются в академическую строгость — тугие сети аргументов, неординарность мышления и самобытность образов впечатляют. А стиль, согласитесь, — самый верный признак не только ума, но и таланта. А. Яшин умеет обозначить существенное, охватить взглядом весь литературный процесс как таковой. Он с болью говорит об «исчезновении литературы из творческого ареала современного человечества». И может быть, «уходящая русская словесность», ее «вдохновенное слово» — это последняя связующая нить, не дающая нам окончательно запутаться и исчезнуть в сетях технократического мира. Великий глобализатор и Великий инквизитор по Достоевскому вошли в неясную и тревожную реальность XXI века.

Роман «Житие оцифрованное» насыщен национальным колоритом, чего так не хватает нам всем в современной литературе, вместе с тем А. Яшину не чужды и жанрово-стилистические решения и новшества. Собственные житейские истории он абсолютно логично представляет и вписывает в общий контекст романа. Они в чем-то похожи на притчи, либо исторические анекдоты. Их создатель — философ, стремящийся установить духовное равновесие сил. Что мы оставим потомкам после себя, будет ли Россия? Человек — это микро— и макрокосмос, вселенская частица, все в себе соединяющая. Она не должна раствориться в «человейнике», не должна бесследно уйти в небытие. При всех потерях и неудачах нам должна остаться Родина, русская земля, Россия — в этом заключается большой смысл повествования патриотического романа А. Яшина — книги, страстно отстаивающей классическую русскую культуру и литературу!

«Правда Скрижалей Истории»

Настоящий человек является прежде всего сыном своей страны, гражданином своего отечества, горячо принимающего к сердцу его интересы.

В. Г. Белинский

В новой книге А. Яшина ее главную, центральную главу «Кастальский ключ из водопровода. История сказания от Гостомысла до наших дней» я бы разделила на три составные части, потому что в любом тексте автора всегда допустимы свои варианты прочтения: русская дореволюционная литература, определившаяся в своих основных позициях еще в эпоху крепостного права и ставшая предтечей, «источком литературы советской», — это другой период соцреализма, а затем и новейшей литературы, тесно связанный с цифровым веком всеобщей компьютеризации. Если тот же Лев Толстой настороженно принимал эпоху Гутенберга, то мы оказались свидетелями начала ее конца, ознаменованного все большей глобализацией, когда на смену печатному слову, бумажной книге приходит книга электронная, так называемый модный электронный носитель. Как тут не вспомнить времена А. С. Пушкина, беспрестанно мечтающего о выпуске журнала «Современник», которому суждено будет перевести «салонное сочинительство во всероссийский литературный процесс». И тем паче, как губительно сейчас ощущать возвращение к салонному творчеству и «светским» вечерам, женским романам, лишенным художественного вкуса, и легкому, бездумному чтиву, дурно одобренному плохим, никчемным языком.

Мы явились очевидцами потери единого налаженного литературного процесса, замены его кружками по интересам, мизерными тиражами с трудом издаваемых книг, вместо «толстых» литературных журналов получили засилье развлекательных глянцевого, а писательские союзы превратились в формальные объединения, потеряв свой былой статус интеллектуалов и просветителей. Здесь как раз А. Яшин обращает внимание на следующие моменты: и пока несостоявшуюся окончательную гибель русской литературы и журналов, коим давно прочат похороны, и графоманию в писательской среде, особенно процветающую в наши дни, и электронные версии журналов, и сами институты литературной цензуры, когда-то сформировавшие в России эзопов язык, мастерство его оригинальности, иносказательности — искусства «обходить острые углы», напрочь нынче утерянное. «Сам себе хозяин» стал наш современный писатель, о котором уже «не заботится Литфонд», — с определенным сожалением высказывается автор. Заметим, что 85-летие Союза писателей когда-то одной большой страны СССР, по мнению А. Яшина, обозначило горький и очевидный факт: «В наступившую эпоху глобализации писатели никому не нужны, даже самим себе». А ведь писательский труд — это очень сложная и кропотливая деятельность, требующая полного погружения в рабочий процесс, лишь отчасти скрашиваемый краткими этапами вдохновения и творческого озарения.

Роман объединяет единство уже хорошо знакомых персонажей, надежных и проверенных читательским временем, харизматичных, настоящих: неизменный профессор-умница Скородумов, доцент Привалов, писатель и главный редактор местного литературного журнала «Срединная Россия» Бурцев. «Что же касается персонажей, а если угодно героев, то тут надо для начала просто знать, что живут на страницах всей тетралогии и, кстати говоря, за пределами оной, в иных произведениях автора, некто Николай Андреевич, ныне доцент, а прежде труженик оборонки, и его старинный приятель профессор Игорь Васильевич. Это мужчины уже с приличным жизненным опытом и академическими знаниями, скептически, но объективно настроенные к ок-

ружающей действительности, то есть не злобно, с приличной и вполне приемлемой и обоснованной иронией», — с долей подобного нескрываемого иронического оптимизма пишет и писатель, публицист, критик В. Трусков в книге «Иронический оптимизм сожаления», посвященной творчеству А. Яшина, его тетралогии. Разумеется, присутствует здесь и нечто автобиографическое. Две зеркальные, взаимоотражающие модели писательских организаций: союзной и областной, Тулуповской, как ее величает сам повествователь. Причем крайне любопытно слияние в тексте науки и литературы, ведущей роли философовского аспекта — доминирующей тенденции нашего времени. «О продуктивности науки не стоит спорить: за нее свидетельствуют вся современная техника и медицина. Но, что касается ее теоретических истин и их доказуемости, то наука плавает по морям предположительного и таинственного», — писал философ И. Ильин. Но и литература, заключающая в себе эту таинственную субстанцию, — тоже наука, имеющая свои законы и принципы. То, что начал Гомер, завершил Пушкин: у человечества в руках оказалась литература — уникальный информационный инструмент, с помощью которого человек смог заглянуть в себя. Назад в будущее. Вперед, в прошлое, куда угодно в пределах бесконечного космоса. Предметом Гомера была душа, предмет Пушкина — сознание и душа, рождающие личность. Так анализирует процесс появления и развития литературы профессор филологии, литературовед и писатель А. Андреев.

Между тем мировая глобализация, привнесенная Западом, изменила и наше общество, и А. Яшин дает свою характеристику происходящему, когда наступила «ныне торгово-спекулятивная частнособственническая Русь». Что станет в стране дикого олигархического капитала с традицией читать книги? Писатель говорит «о потере современной художественной литературой читателя», обреченного на потребительство и биологическое вымирание, когда это «читательское обнуление скоренько свело к полному ничтожеству и класс пишущих». Иной ракурс приняла и параллель, всегда важная для пишущих: литератор — критик. Если человек есть то, что он ест, выражаясь фигурально и гастрономически, то литератор и критик есть не только то, что он пишет, но и прежде всего — то, что он читает.

Удивительна и необычна манера письма, присущая А. Яшину: «делай добро, избегай зла, то есть обойдись без имен, завуалируй, но так чтобы всем было все понятно», — ключевая иносказательная линия в его повествованиях. Таким образом поступали Крылов, Салтыков-Щедрин, Гоголь. Недаром Белинский отмечал, что «в Крылове истинно гениальном творце народных басен, в которых выразилась вся полнота практического ума, смысленности, по-видимому, простодушия, но и язвительной насмешки русского народа», содержащей суть человека, его души, более похожей на реальную и конкретную правду дела его жизни, нежели лишь одни предположения философов о загадочной, непонятной таинственности русской души. Насыщенная гиперболизация Салтыкова-Щедрина, зоологическое уподобление героев его произведений животному миру легли в основу романа А. Яшина. Тут на ум приходит и известная сатирическая повесть Д. Оруэлла «Скотный двор». От романтической иронии, иносказательных сказок А. Яшин в своем романе подводит читателя к демоническому хохоту всемирного пророка Достоевского. А это уже подлинная фаустиада Духа, в которую включены такие действующие лица, как Великий инквизитор — Великий глобализатор — Великий Пророк. Тема фаустиады обещает стать грандиозной мистерией человеческого духа, его разума и воли, его Божественного дыхания.

«Урок истории», или писари «Тулуповского леса»

*Тула — город Знаменитый!
Город — крепость, город щит!
Тула — город арсенала,
На все руки мастеров!*

Р. Мусаев

В романе «Житие наше оцифрованное» авторские поиски «Правды Скрижалей Истории» предстают сквозь призму летописи Тулуповской писательской организации как некоей общей модели Союза писателей СССР и одновременно как отражение модели всего государственного устройства. Флэшка прозаика Бурцева с текстом истории Тулуписа, которая пусть и «на периферии литературы», но не может оставить профессора Скородумова безучастным и равнодушным к литературному процессу в целом, при всех издержках и вызовах времени, его, пусть и органически не воспринимавшего компьютер, не удастся «выбросить с корабля современности». Нельзя удержаться, чтобы опять не привести и выдержку из книги В. Трусова «Иронический оптимизм сожаления», написанной не столько в литературоведческом ключе, сколько в остроумном художественном, в некотором роде продолжающей оригинальностью стиля повествование самого автора А. Яшина, когда речь идет о его любимых и уже привычных для читателя персонажах: «Здоровое человеческое и вполне себе рациональное начало берет в них верх над всеми резонами современного бытия и его новых веяний, помогает сохранить себя в виде самодостаточных личностей, слабо подверженных влиянию модных тенденций, в частности, всемирной путины, всеобщей компьютеризации и прочего». Они крепко стоят за «сохранение в человеке творческого самостоятельного начала», «человека и человечности», супротив повального превращения в «андроидов», подчеркивает критик, комментирующий собственные мысли о «весьма драматичной» истории существования областной организации писательского союза — «от страны советов до наших дней».

Гегелевская диалектика, где свобода есть осознанная необходимость, исходящая из закона единства и борьбы противоположностей, в очередной раз доказала свою живучесть и отразилась и на писательском сообществе. Появление же класса полноценных писателей невозможно без осознания себя частью Родины, без понимания того, «откуда есть и пошла родная земля», — пока еще не канули в Лету незабываемые слова горячего просветителя и проповедника христианских истин, борца за русского человека и справедливость Н. Лескова. Его наивный и в то же время невероятно сильный духом герой Левша, искусно подковавший легендарную блоху во граде Туле, не мудрствуя лукаво, сказал так: «...мы в науках не зашлись, но только своему отечеству верно преданные». Писателям, как и всем остальным, нужна собственная история. А вот что и как писать — рассудит время, ибо излишний либерализм никогда полезным не был, но и полная диктатура не благоприятствовала развитию таланта.

А. Яшин тонко чувствует не только постепенное угасание Кастанальских ключей в культурной среде литераторов, но и вместе с историей тулуповских писателей совершает реверанс в прошлое нашей русской литературы, дабы очертить основные вехи истории Союза писателей СССР — самой мощной и значимой организации в истории не только советской страны, но и одной из первых и ведущих сил на мировой литературной карте. Однако делает это он иносказательно, отталкиваясь от реальной почвы, роман читается легко и сложно, привлекая читателя чувствами и ассоциациями. Автор по-бунински наблюдателен, зорок, умеет выхватить главные харак-

терные черты. Следуя искрометному таланту любимого писателя Н. Лескова, А. Яшин мастерски обличает лицемерие, фальшь, подхалимство, «чиновничью шушеру», а так же аналогично и непримиримому борцу Салтыкову-Щедрину, предельно обнажающему правду, его современное перо восхищает не меньшей самобытной оригинальностью. «...мы начнем с некоторой древности <...> с ветхозаветной истории», которая была жестокой в отличие от новозаветной, уже наполненной любовью,— пытается он сделать экскурс в далекие, стародавние времена, чтобы яснее понять времена третьего тысячелетия.

Надо признать, он упорно и наглядно творит «древнюю лесную историю», «учрежденную на паях просвещения тулуповским купечеством». Таков дикорастущий философ и художник слова, красноречиво рисующий этот Лес, то бишь Тулупис, ее оригинацию писателей — литературное объединение Леспис, если сокращенно. Впрочем, как же тут и без доносков, «выцветших на бересте», излюбленным и неистребимом жанре в жизни русских литераторов?! Ну, и «толстые» художественные журналы, к примеру, те же «столичные куранты», помогающие зацепиться на литературных Скрижалях. Чего только стоит необычный образ, ключевой лейтмотив книги — образ зверя. Нечто лесковское, взятое писателем из Жития старца Серафима: «И звери внимаху святое слово» (Рождественский рассказ Н. Лескова «Зверь»). Своеобразная переключка имен и фактов, имен нарицательных, удивительным образом пересекается в романе А. Яшина. И критик В. Трусков, резонно и фигурально говоря, предлагает «сбросить с реальных поэтов-писателей личины звериные...» Впрочем, и у А. Яшина имеются в арсенале удивительнейшие стихи, где вся красочная таинственность животного мира, его первозданная полнота пересекается с миром человеческим: «Не верю, что звери не говорят, / Что думать не могут певчие птицы. / Мы видим не все со своей горы, / Чудес неоткрытых еще немало...»

Вообще будем откровенны, изложить подробно и детально суть романа невозможно, аллегории захлестывают, но зато ощущаешь неподдельное чувство времени, причем любого. Ведь важен не только запах, цвет и звук эпохи, достоверно схваченный,— важен тщательный и скрупулезный самоанализ, происходящий на протяжении всей истории России. История, мысль, литература — понятия взаимосвязанные. И кто из них врет порой разобраться крайне трудно. Надо сказать, что крепостной режим, если не искалечил Россию, то наложил на нее и на всю русскую литературу свой неизгладимый отпечаток. Н. Лесков откровенно обличал мерзость крепостничества. А. Яшин касается в романе личностей Лескова, Салтыкова-Щедрина, Толстого, Пушкина, Гоголя, творчество которых протекало в пору его апогея. Русская литература в чем-то была отражением этого великого барского безделья. «Вот приедет барин, барин рассудит!» — отнюдь неслучайно приводит автор известную цитату в книге. Он опирается на «словесное узаконение: самодержавие, православие, народ» — постулаты триединства и существующей уваровской формулы государственности. Эта величавая державность — есть давняя надежная традиция.

Поясняя мотивы написания данной главы, мы явственно видим, как на страницах романа проступает яркий архетип — Великий Лев, с именем которого начинается «взлет писарства Тулуповского леса на горные вершины Скрижалей — 90 томов многомудрых житий и наставлений». Персонаж вполне узнаваем — Лев Николаевич Толстой — личность без преувеличения сверхчеловеческого масштаба, жизнь его не поддается однозначному описанию, ведь он искал всю жизнь, в чем же смысл этой жизни, до самого последнего ее мгновенья уверовав в то, что даже на смертном одре можно прозреть истину. В одной из своих литературоведческих статей «Последний евангелист христианской веры» А. Яшин пишет о том, что Л. Толстому был «дан дар — горький дар — понимания, что эволюция впервые подвела человечество к концу XIX века», когда «ход истории вырвался из-под контроля творцов», — великий гений предчувствовал «глобальный мир» с его «безысходностью, холодом и отчаяни-

ем опустошенности». Уникальное 90-томное наследие «зеркала» лесной общественности» — убедительное доказательство фактора особенности и индивидуальности: философский гений творца и мыслителя олицетворяет и рабство, и радость духовного труда, и — то, что самое сложное и высокое поприще — мысленное творчество, творчество мысли человеческой.

А пока, исходя из действия романа и подогревая к нему читательский интерес, автор «Жития оцифрованного» повествует о Великом бунте с его Великим Тигром, который перевел рабфаковскую молодежь на «единый продовольственный паек», подтянул «лесную сволочь и иных обывателей к овладению грамматикой» и, разумеется, прочими иными науками, с коими попутно открылась и «всевозможных масса публицистических ведомств» и «всевозможных писарских сообществ». Что примечательно: юмор, ирония — отличительная манера письма А. Яшина, плавно переходящая в салтыковскую сатиру, какую злой не назовешь. Но здесь необходимо различать юмор бытовой и юмор чисто философский, смех серьезный, не глупый. Смех и искрометный авторский язык может быть оправдан лишь характером и непосредственным языком персонажей, что мы и наблюдаем в произведениях харизматичного донельзя писателя. Горечь же и сарказм всегда скрашиваются юмором. А. Яшин собирает языковые курьезы, иногда впадая даже в излишество, как может показаться, хотя его исторические анекдоты, думаю, со мной согласятся многие, — бесподобны. Автор до страсти любит каламбур, игру слов, остроты, шутки, когда за комизмом неминуемо следует и сатирическое обличение. Да и он сам следует за народом, искренне влюбленный в шутку и прибаутку. Ничто не ново под луной, но вспомним, что те же «туляки подковали-таки блоху», — живет эта присказка на Руси до сих пор и будет жить!

Нельзя не отметить, А. Яшин — мастер бытовых загадок, мудрых и ироничных. Всякий раз диву даешься его неутомимой фантазии и красочному воображению, откуда он черпает свои меткие фразы, например, одна из них принадлежит в романе ловкому литначальнику, пристроившемуся к теплomu и хлебному местечку, почти классическая фраза, взятая из его же анекдотов-былей: «Брось писать, и за это тебе сразу почетного дадут». Разве не напрашивается сама собой связь с тем же незабвенным Антоном Павловичем, с его «юбилейным подарком — вместо почтового ящика», с коим, именно с почтовым злосчастным ящиком, теперь проблемы в новом веке у главного героя романа «Житие наше оцифрованное», а поконкретнее — прямая связь с чеховским рассказом «Правила для начинающих авторов», содержащем аж 18 лаконичных пунктов. «Не пиши! Не пиши! Не будь писателем!» — изначально советует Чехов, хотя и понимает, что «писательский зуд неизлечим». И не преминет неустанный художник-исследователь человеческих душ предупредить о том, что «писание, как «искусство для искусства», выгоднее, чем творчество за презренный металл». Тонко делает и следующее умозаключение: «Стать писателем, которого печатают и читают, очень трудно. Для этого: будь безусловно грамотен и имей талант величиною хотя бы с чечевичное зерно. За отсутствием больших талантов дороги и маленькие». Не все пишущие, о чем говорит и А. Яшин, настоящие писатели, как не все стихослагатели в рифму поэты. Сегодня в нашем писательском лесу пишущих гораздо больше, чем их читающих.

Новый роман, как и многие другие его произведения, влечет старинным слогом, объемной фактурой письма, панорамным изображением образов, не переставая поражать цепью словесных авторских портретов. Советский литературный пейзаж с его идеологическим сюжетом приобретает у А. Яшина свои четкие формы и границы в славные времена Стального Барса. «Именно Стальной Барс привел огромный лесной край, занимавший 1/6 части земной суши, к четкому порядку во благо всем и каждому», — констатирует автор непреложные факты истории. Он создал «прочные устои» и в «неспокойном, шумном писарском сословии», когда и Тулуповский лес в свою

очередь внес корректировку в «исправление идеалов, давших кривизну». Не секрет: «Критика и самокритика, — как утверждал товарищ Сталин, — движущая сила нашего общества». К тому же диалектический реализм прекрасно уживался в рамках проповеднического соцреализма, по мнению автора, при одном условии — только «не хулить все властные персоны и их должностные статусы». Свершилось, пожалуй, самое значительное завоевание для пишущих: «писарство включено в общий табель профессий» и стать членом писательского союза тогда было гораздо сложнее, нежели получить степень доктора филологии. Труд Литфонда «был регламентирован и очерчен определенными рамками». Разумеется, был обозначен и круг тем: философско-отвлеченные, общечеловеческие, гуманистические, интернациональные, вопросы злободневные, не забывающие и о руководящей роли партии и правительства. Провинции тоже была регламентирована своя проблематика: люди труда, областной масштаб партийных руководителей, их прославление и гимны. А что же сегодня? Картина кардинально иная: писатели вынуждены выполнять «социальный заказ для запиаренных столичных сочинителей детективов, фантастики и глянцевого порноромана». Как ни печально, авторы за свои же кровные создают «литературные мыльные пузыри тиражом в 100 экземпляров», презентуют их небольшому кругу друзей и им же дарят.

Справедливости ради отметим, ох, и непросто было получить долгожданный билет Лесписа, все же талант надо было иметь, сравнимый с энергией Кастаньольского ключа. С легким изумлением вновь и вновь читаем в книге А. Яшина о доносах. Вполне закономерно Л. Чуковская создала тогда свой обличительный роман «Процесс», дав ему одноименное название с философским романом Ф. Кафки, видимо, из четырех миллионов доносов, написанных в сталинский период, немалая доля принадлежала и нашим славным, достопамятным литераторам. Однако отдадим должное Стальному Барсу, «знавшему толк в истинных талантах». Этого великого диктатора, прошедшего путь от сохи до атомного оружия, его сложную и противоречивую личность, который своего врага уничтожал руками своих врагов, Черчилль охарактеризовал очень подробно и точно. Умный политик подчеркнул его необычайную энергию, эрудицию, несгибаемую силу воли, юмор, переходящий в сарказм, способность точно выражать свои мысли. Статьи и речи, заметим, Сталин писал только сам. От него исходила невероятная исполинская сила, вождь народов обладал осмысленной мудростью, логикой, был сдержан, видел мир без иллюзий. Именно лидер подобного масштаба и смог придать объединению писателей — «единоустремление» главной и великой цели страны советов — быть мощной индустриальной и военной Державой.

Идея обобществления «полного устранения устремлений к накопительству» не исключала и творческого своеобразия. Так или иначе, но писатели не думали о хлебе насущном. «Единое обобществление» на ниве словесности принесло и долгожданные плоды. Небольшое отступление: одной из самых известных книг философа Н. Бердяева является книга «Истоки и смысл русского коммунизма» (1937 г.). Он писал о мессианстве русского народа, его мессианском призвании: «Коммунизм имеет глубокие истоки в самой России, в русской культуре». Русская идея ведущей миссии России в мире нашла свое выражение и в философских трудах Н. Лосского, когда он говорит о характере русского народа, о том, что «мессианский человек — создает высший божественный порядок на земле». На ум приходят и мысли Ф. Достоевского, из «Дневника писателя», где он признается, что «никогда не мог понять такого строя, при котором 1/10 народа пользуется многими жизненными благами, а 9/10 лишены их». Вероятно, парадокс для иностранца, но логично для нас — русские стыдятся своего богатства.

Однако, возвращаясь к теме романа, находим и образы «новых пролетарских инженеров лесных дум»: наглядный пример — Горькоусый Морж. «Горькомания» оказалась неисчерпаемой и многогранной, как магический кристалл. Убедительно гово-

рит об этом и писатель Ю. Козлов в проникновенном лирическом эссе «Классики и мы» («Новая Немига литературная», № 5, 2019 г.). Действительно и без малейшей доли преувеличения: Горький сегодня — третий по известности после Толстого и Достоевского русский писатель мирового уровня. Он навечно растворился в России, во многом оставшись непонятым до конца в своих поисках правды и счастья для русского человека. И А. Яшин прав, когда пишет в романе и о таком моменте в биографии «буревестника революции»: «Горькоусый Морж убедил Стального Барса в благоденственной пользе всяческой поддержки писарства как блага, необходимого для развития и цветения обобществления». Но время не стоит на месте, и эволюционное развитие продолжается, являясь более благодатной почвой для всех жизненных сфер в отличие от стихийных революционных взрывов. А те же проблемы провинции и столицы были всегда. И Кукурузный Вепрь, который изначально «ослабил либеральные вожжи писарям», но затем и сам же «прочные устои» ввел, ничего иного, по словам автора, придумать не мог. Это был хорошо известный период «оттепели» в культуре и литературе с его печатью «шестидесятничества», поэтической публицистичности, поэзии больших стадионов, незабываемых литературных вечеров в Политехническом музее, восхитительный, но короткий период свободы мысли, вырабатывающей чувство меры во всем.

Такова была литературная жизнь: нас тьмы, и тьмы, и тьмы, как сказал поэт. Русская литература определила и собственное имя, и нашу жизнь. Роль ее, безусловно, была весьма и весьма велика. Впрочем, и для тулуповских писарей наступило «блистательное время», когда «бурлила писарская, сочинительская жизнь в Тулуповском лесу», — красноречиво излагает А. Яшин. Наряду с писарскими и партийными билетами, с гонорарами и тем же неустанным доносительством, подхалимажем, прочно и основательно торжествовала неповторимая эпоха подлинной культуры «толстых» журналов, не имеющая себе аналогов в мире. Редакция журнала оговаривала с заинтересовавшем его автором право «первой ночи», первородство весомо значило право первого, первой публикации. Раньше и дураку было понятно: настоящий писатель изначально печатается в «толстых» литературных периодических изданиях. Ныне и в журналах. Разница огромная по сути и статусу.

3

«Но вот пришла цензура равнодушьем...»

Исходя из вышесказанного, феномен современной литературной жизни приобрел и новые приоритеты. Научившись писать эзоповым языком, постигнув язык Салтыкова-Щедрина, Гоголя, привыкнув в советское время и к искандеровскому языку, нарицательный стиль прозаика и сценариста Ф. Искандера, авторы ощутили, что с началом перестроечной эпохи, единый мир и в жизни, и в литературе неизбежно потерян. Освободившись от цензуры, писатели освободились от всего, стали сами себя издавать, перестав в одночасье быть «Властителями дум», Пророками, Учителями. Власть потеряла интерес к писателям, а писатели потеряли интерес к власти. «Толстые» литературные журналы тоже утратили былую власть над умами. Литература лишилась интереса общества, а общество лишилось защиты литературы. Необратимые перестроечные перемены не прошли бесследно. След этой крутой эпохи, времена разлома красной чертой прошли и через наши души. Начался и передел литературного пространства. И, если в 80-е годы «теплело» на нашем дворе, то в 90-е пошло-поехало-понеслось. «В лихоимные же «девяностые годы», когда все паскудное, супротив прежнего, обобщественного *Нашего леса* направленное было в чести, то и вовсе во всяких подметных курантах, особливо в столице тиснутых, оспаривалась честь различных Лесов полагать Лошака *своим*, как свободолобца, борца с тотали-

тарным режимом, воплощением совести и морали и пр. О — времена и нравы! О — история, смейся и плачь...» — вот вам, дорогие друзья-читатели, писатели, редакторы и критики, и «окончание эпохи обобществления и начала лихоимных «девяностых» по-яшински. Но о печальном — позже, автора спасает ирония, его второе Я.

Аргументировано поясняет подобные перемены философ и публицист А. Зиновьев, автор модели «человеяника» как продукта глобализма. Он указывает на диалектическую необратимость общественных процессов: «...у каждого действия есть свое место в общей системе, где оно осмысленно. Если же перенести его из одной системы в другую, то там оно теряет смысл и становится вредоносной единицей». Вот и получается, что писатели наши «разбаловались всеобщим пиететом в эпоху обобществления, не смогли они встретить в лихоимное частнособственничество», — заключает А. Яшин, как это не было бы прискорбно, предвидя неопределенность будущего класса литераторов, резко устремившихся в столицу, в «толстые куранты», в растущие, как на дрожжах, коммерческие издательства. «Тулупис выживал и надеялся», — собственно, как и вся страна, образно и с определенной долей оптимизма представляет ситуацию автор. Другие времена неукоснительно требовали опять «усилить акценты» в написании текстов на злобу дня. Пришла и молодая поросль, пополнив старые ряды, какая галерея портретов и образов эпохи Осла проходит перед глазами: Олениха, Росомаха, Котик, Лось, Барсук, Степной Волк, Дрозд, длинноногая Лисичка! В разы возросло число «сочленов Тулуписа», готовых стать равными в «грядущем человеянике»! Графоманам или «чайникам» это вовсе не страшно, как и тем, кто по-прежнему денно и нощно, без усталости строчит доносы. Пора обратиться и к хранителю языка русского В. Далю. Его «Толковый словарь живого великорусского языка» объясняет донос так: слово и дело, старинное — донос, быть в слове — подпасть вине, быть под ответом. Судите сами!

Здесь уместно задуматься: существует ли профессиональная солидарность? Человеческая, пожалуй, да, редко, но существует. Общая коллективная позиция в писательской среде сегодня уже невозможна. Все оказались детьми Красной империи, по определению критика В. Трусова, и с ее концом потеряли родину. Крах отечественной словесности вверх читателя в состояние энтропии. Есть ли жизнь на Марсе или нет, то есть в современной русской словесности? Хотя поминки по русской литературе все же преждевременны. В 1922 году О. Мандельштам опубликовал эссе «Конец романа», предрекая полный закат настоящей литературе. Прогноз не подтвердился. А. Яшин вопреки происходящему, пишет роман традиционного формата, которому не свойственна нынешняя размытая малосюжетность. С потерей Империи, считает автор, выстроенные связи: «писарь — книготорговец — читатель» аналогично и связям: книга — редактор — критик — читатель обретают совершенно противоположное значение, где превалирует во всем коммерческий и рациональный подход. Редактор — критик в одном лице и флаконе — это, кстати, тенденция нашего момента, когда выступать в одеждах литературной критики начала и публицистика, окрашенная политикой, когда и редакторство, не секрет, по-своему развращает, как и всякая власть. Но критики опять обретают статус общественного мнения и статус «властителей дум», становясь фигурами публичными. «Тяжелое это дело — современную литературную ниву возделывать», — замечает А. Яшин. Кроме того, писатель не забывает, что он летописец, и не отступает от своей главной задачи. Роман его, как и полагается, прослеживает основные вехи и становления, и дальнейшего развития русской словесности. При всей завуалированности и бытийной аллегории в нем прочитывается четкая хронологическая логика основных дат и событий.

Итак, 1986—1991-е годы — время перестройки. В результате государство СССР, занимавшее 1/6 суши, исчезло с карты земного шара. Вместе с исчезновением «советского человека» исчезла и советская литература — прекращается процесс. И ни одна из литератур от этого не выиграла — влияние потеряли все вместе. Конец

80-х — начало 90-х — период книжно-журнального бума, высветивший истину, что «можно рукопись продать» — можно и купить! 1987-й год — вторгается новая действительность, дикая — с реальной кровью. Два мира, два полюса формируются в литературе: национал-патриоты, консерваторы — либералы-демократы, либеральная интеллигенция, яркие антисталинисты. 1989-й год — год гражданской войны в литературе, обозначивший блоки и группировки. 1990-й год — полноценный триумф Солженицына. Все журналы сосредотачиваются на одном авторе! Ничего подобного русская литература со времен пушкинского гения не видывала! Воистину — поклонение реабилитированному. Ну, что тут можно сказать: то мы были родом из Октября, напрочь забыв о том, что наши корни гораздо глубже, забыв о существовании империи Российской, то теперь у большинства оказались корни дворянские, от самих Юриковичей идущие, или все славяне родом из ВКЛ, как в Беларуси. И были ли вообще племена славянские? Год Солженицына парадоксально обозначил конец истории мессианства. Противоречивая фигура Солженицына неприкосновенна; например, любопытнейшая книга И. Моисеевой «Синдром Солженицына» осталась незамеченной, поэт и литературовед попыталась показать и доказать, опираясь на массу авторитетных источников, взяв за основу рассказ писателя «Матренин двор», что все же он во многом, а главное в принципиальном моменте эстетического вопроса отступает от реальной правды жизни, искажая сами исторические факты. Но посягать на имя великого никоим образом нельзя. Ясно, что литература наша переживает ломку. «Опять всплыло старинное правило: выше коллежского асессора чинов не трогать!» — иронизирует на сей счет А. Яшин. 1991-й — год кредита свободы. 1993-й — год конфликтный. Разобщенность в писательском лагере. Литературный процесс мельчает, дробится. Теряется нечто главное, сам модус поэзии и прозы. Неслучайно в 1994-м году Е. Евтушенко с горечью заявит во всеуслышание: «Была цензура, сходная с душьем. / Она, казалось, изгнана взашей. / Но вот пришла цензура равнодушья / и в чем-то оказалась пострашней».

Стоит заметить, что в своем романе А. Яшин, сокрушаясь о потере нравственных ценностей, в то же время сокрушается и об отсутствии объективной цензуры. Ничего парадоксального здесь нет. Профессионалы от цензуры на корню пресекали дилетантизм. «В лихоимные «90-е» некоторые ударились в сочинительство историко-порнографических опусов», — с сожалением напишет он. На сцену бытия, которую заняли активно юмористы и сатирики, вместо серьезных писателей вышли певцы запретных тем — от социальных до эротических. Ну, и бандит — ведущий герой прозы перестроечного и постсоветского периода. Любовь к литературе вдруг проявилась в игре во всевозможные премии, каких только не появилось на свет, она отчетливо зазвучала в бесконечных вечерах и презентациях, утонула в банкетах и фуршетах. Увы, авторитет писателя просто стал сдуваться, как воздушный шар, в мире, где натура превышает самой культуры. «Писать, тем более читать, им недосуг», — ремарка А. Яшина о новомодных «поэтессах-зайчихах», коих развелось немерено, тогда как «надежды на серьезного и вдумчивого читателя давно исчерпаны». Расцвела дурная публицистичность, дешевая беллетристика заполонила книжные прилавки и полки библиотек. Границы между литературой и псевдолитературой размылись — люди в футлярах стали героями нашей жизни. Новое поколение литераторов лишилось не только почитателей, но и реальных читателей. Чтение как эликсир бессмертия утратило свою магическую силу. Быть, говорить, иметь лицо, имидж стало важнее, чем сидеть за письменным столом и писать. Издавать книги стало популярно на пустом месте, а издав, раздарить родственникам, близким знакомым. А ведь писателя должны читать, а не бесконечно слышать или видеть. Западники и славянофилы, либералы и «патриоты» заняли свои ниши в литературно-художественных журналах, рейтинг которых вначале перестройки взлетел неимоверно. Появилась и третья сила — андеграунд — модернизм, постмодернизм — пресловутое новаторство, от которого теперь

не отмахнешься и которое уже прочно заняло свое место в литературном процессе. Впрочем, у каждого свой лагерь, и у каждого свой опыт.

Книга «Житие наше оцифрованное» стала поводом поразмышлять о вещах крайне важных, о выборе и поиске собственных жизненных ориентиров, неотделимых от правильного выбора и магистрального курса общественного развития страны. Так ли необходимо порой разрушать старое, чтобы двигаться дальше? Почему это новое не может быть базисом, надстройкой уже имеющегося прочно выстроенного фундамента? Начиная с нуля, мы многое теряем в движении вперед, отстаем во времени. Философы: Флоренский, Розанов, Бердяев, Хомяков совершали непрерывный анализ постоянных российских стремлений к социальной справедливости путем реформ, революций, путем последовательных законов развития. Имперское сознание или ирония судьбы России дали о себе знать: 2015 год ждать не заставил — оглушительный рейтинг Сталина — Стальной Барс и в романе А. Яшина позиции свои никогда не сдает! Правда, как всегда, одно маленькое мажорное «но». Вопрос цены, коварный, разбедоающий до червоточки души, не дает покоя. «Проклятые» вопросы жизни и литературы, свободы и диктатуры, хаоса и революций до сих пор остаются без ответа.

Сугубо русские метаморфозы неотделимы и от вопроса смысла, места и роли писателя в России. «Где заканчивается профессия, оттуда уходит мастерство <...> человек превращается в безымянный винтик <...> глобальному человеичнику писатели не нужны», — тут не поспоришь с А. Яшиным. Великая литература никогда не была равнодушна к страданиям, к «униженным и оскорбленным», которые тоже, как оказывается, ближе, чем «богатые», которые «тоже плачут». В романе и в жизни сошлись «высокий трагизм и пошлый водевиль», явив нам воочию вместо Кастальского ключа копию, жалкую подделку, замененную обычным водопроводом, как и все в нашем непредсказуемом бытии. Аллегии?! — возразите автору и будете в чем-то правы. Но природу человеческую не изменить, не сломать. «Страсть, голод, зависть, власть — вот что во все века двигало человеком! И высшая цель — блаженство! Коммунизм — тоже блаженство. Великий соблазн и обман», — пишет прозаик Е. Шишкин в книге «Правда и блаженство». Осмысливает эволюционный процесс и А. Яшин, прискорбно отмечая то, что «Христова мораль заменяется ветхозаветной моралью Истории»: «История же повелевает незримо надо всеми и вся: Христом и Князем, душами и телами, великой свободой духа и невероятным рабством воли, честностью и предательством...» Кастальский ключ — тоже блаженство, творческое и интеллектуальное, блаженство созидания, не терпящее суррогатов.

Третье тысячелетие поглощает человечество катастрофическим отсутствием смысла, где каждый из нас воспринимается лишь в качестве биологического материала. Останется ли человек смыслом истории? Литература, заключающая в себе и возрождение, и распад, как целостная наука о человеке, утрачивает свою силу и влияние, теряется ведущая роль книги в жизни общества. И писатели — уже не «инженеры человеческих душ». Природа же пустоты не терпит, заполняя свободное пространство модернистскими архетипами. Критик Н. Ягодинцева, говоря о месте и роли литературы в России, выводит термин синдрома рандомной ризомы — хаотичных, случайных связей, срезающих до корневища ценностно-смысловую иерархию. Именно потерю смыслов тяжело переживает автор и герои романа «Житие наше оцифрованное», когда «в человеичнике исчезнет надобность, наличие» писаря как результат Великого глобализма. Эпоха ревизии христианских ценностей, в которую мы вступаем, может обернуться против нас же самих. Об этом гениально предупреждал и Ф. М. Достоевский в романе «Братья Карамазовы» — христианин, человек, ходивший пред Богом, пророчески чувствовал грядущее. Он видел смысл жизни в служении человечеству, уничтожение себя и своих героев пред образом Христа — это был путь свободного принятия Истины. Не так ли и Бог умалил, истощал, уничтожал себя, став обычным человеком?

Великие страсти и великие искушения, Великий инквизитор и Великий глобализатор, Антихрист или идеал нравственного человека по Христу?! Вселенское противостояние нарастает. Какой же колоссальный интеллектуальный и нравственно-философский ресурс как вызов процессу глобализации может противопоставить Россия? Русская идея, говоря словами И. Ильина, «выражает русское историческое своеобразие и в то же время — русское историческое призвание»; она воплощает то, чем русский народ «прав перед лицом Божиим и самобытен среди всех других народов». Стоит задуматься. И вспомнить того же Н. Лескова. Ведь Россия могла бы стать лидером в разработке этого мирового проекта, лидером прежде всего интеллектуальным. Экономически, может и ошибаюсь, проигрываем, если окончательно не сдаем позиции некогда могучей Державы.

4

«Место слова заняла цифирь»

*Возврат к национальной традиции —
Вот истинная новизна для нашего времени.*

Г. В. Свиридов

Как видим, непросто нынче человеку в поисках смысла в современной литературе, а писателю крайне сложно создавать эту совершенно иную реальность третьего тысячелетия, включая и колоссальный объем прошлого, и анализируя настоящее, и предвосхищая будущее. Выдерживает ли наша сегодняшняя литература сравнение с классическими работами Распутина, Астафьева, Абрамова, Носова, авторами, расцвет таланта которых пришелся на вторую половину XX века? Способно ли нечто в современном творчестве поразить так, как способна и сегодня поразить воображение судьба поэзии, скажем, того же Рубцова, заплачем ли над каким-нибудь произведением модернизма, как можем невольно заплакать над стихами М. Лермонтова? Творчество перестало быть служением, постмодерн ставит человека не пред Богом, как ставил своих героев и себя всемирно признанный писатель и пророк Ф. М. Достоевский, а перед собой. Суть вещи — диаметрально противоположные. Так и в новелле А. Яшина «Французский синдром или новые луддиты» достопамятный нам профессор Скородумов рассуждает о пагубном влиянии компьютеризации на человека, на его логику мышления, что выхолащивается по А. Зиновьеву, исходя из его модели «роботизированного человеиника».

Самое печальное — потеря родного языка в нашей грубой «исконно-посконной» действительности. Посконная духовность, кровное, святое не должно мириться с техническим прогрессом, напрочь уничтожающем великий и могучий русский язык. «Единый зомбированный человеиник» с его компьютерным мышлением, «придатком роботизированного интернета», сплошь и рядом заполняет окружающее пространство американской терминологией. А тем временем герои романа А. Яшина отдают предпочтение незасоренной иностранными фразеологизмами речи. Интернет же воспринимают не более как средство коммуникации, быстрой информационной помощи, не забывая о том, что сия мутная информативная среда полна ошибок и неточностей. Основной ее минус — собственное мышление почти не участвует в познавательном процессе, работая «на малых оборотах», оно уже не обладает объективным мировоззрением и способностью к логическому мышлению. Возможно ли противостоять данному интернет-влиянию? Неужели мы когда-нибудь забудем, что литература — это текст, написанный личностью?! Поле интернета ужасает катастрофической безграмотностью. Ссылаясь на Запад и кивая в его сторону, мы сами в первую очередь уничтожаем наше полноценное образование, собственную культуру и собственный

язык. Не секрет, что на том же Западе к своей культуре относятся гораздо бережнее и внимательнее, никому слепо не подражая и не угождая, как это делаем мы, поощряя раболепие, ложь и фальш. Страх российских чиновников и откровенная ненависть к отечественной литературе с ее «божественным глаголом», призванным «жечь сердца людей», отрицание чуждых им глаголов «вечной жизни» проводит все больший водораздел между властью имущими, не видящими прямой надобности в культуре, и простым народом, упорно ищущим точку опоры в своих забытых истории национальных корнях.

Обратимся к самому предмету языка. Что характерно: у автора личная человеческая, гражданская позиция мастерски сочетается с оригинальным, хорошо рассчитанным ходом письма, увлекательным повествованием, сочным лукавым юмором, сдобренным поразительно богатым и красочным языком. Разве не похожие краски мы находим у Толстого, Салтыкова-Щедрина, Лескова. «Этот язык... — писал Н. Лесков, — подслушан у мужика... — Я внимательно и много лет прислушивался к выговору и произношению русских людей на разных ступенях их социального положения. Они все говорят у меня по-своему, а не по-литературному». Невероятно близок к народному языку и А. Яшин, его речевое своеобразие возвращает читателя к утерянному русскому языку, а богатая речь героев романа и самого автора вызывает восхищение знанием и сохранением устного творчества народа, создающего разительную альтернативу Интернету. Значит, еще не забыты на Руси и Даль, великий знаток народной языковой Вселенной, и Тургенев с его чистотой речи, никогда не употреблявший иностранных слов, и Белинский, призывавший к «здравомыслию и здравовкусию» в употреблении «заемной речи». Сегодня опять на Руси пытаются воцариться местечковый хам с жаргоном. Надо отдать должное Я. Яшину как патриоту чистоты русского языка, ведь в силу характера новаторского языка автора его роман, изобилующий образной фактурой речи, тоже можно считать новаторским среди литературы, порой полностью игнорирующей правила и законы языка.

Отступление в плане особенностей языка авторского письма не мешает нам и далее погрузиться в чтение романа, останавливаясь на новелле «Ветер западный, оцифрованный...», не мешает с явно доброжелательным любопытством заглянуть на уютную кухню к нашим героям, а даже наоборот вслушаться к их речи, где они за обильно накрытым столом отмечают годовщину сталинской конституции. Встреча старых друзей имеет особенность по традиционному русскому обычаю затянуться, тем более что тема беседы, как всегда, глобальна: уничтожение гуманитарного мышления компьютерным, расчеловечивание человека, проблемы биосферы и ноосферы, определенные ученым и философом-космистом В. И. Вернадским. Оцифрованное мышление с его механистичностью уничтожает и тот же рукописный текст, надобность в нем отпадает, а ведь рукописание, письменное слово литератор усваивает лучше. Нарушается предопределенная самой природой заданность социального единства. Философ Н. Лосский всеобщность органического строения мира, знания и суждения, которые есть необходимая связь, тесно соединял и со связью индивидуума со всем миром. Это некий универсум, в котором «все имманентно всему», все существует во всем, целостно и нерушимо.

Весьма любопытна и новелла «Константиновский Рублевик на Шелковом пути. Из жизни коллекционеров» — по своим интонациям — это чисто лесковское произведение. Ох, не умеем мы свое, исконное, ценить, завещанное нам предками, а тем паче это свое создавать и беречь, в силу инертности или лени предпочитая пользоваться чужим. Причем итог одинаков и в экономике, и в литературе: «Нам в департаменте литераторы не нужны, нам нужны исполнители», — высказывание чиновника от культуры, которое приводит автор, — вот оно веяние времени, роботы-винтики, ни творчества, ни Кастаньских тебе ключей, ни вдохновения жизни. В книге «Русская мысль и человечество» (Калининград, 2020) писатель и публицист Л. Довыденко в

беседе с одним из героев очерка пытается выяснить и найти русские корни китайского чуда, обращаясь к экономической теории Н. Бухарина. Параллель занятная. Ведь и А. Яшин достаточно часто исследует в своих произведениях китайский феномен. Конфликт Бухарин — Сталин известен. Крылатая фраза Бухарина: «Нищий социализм — это паршивый социализм», — облетела весь мир. Что не помешало Сталину, искоренявшему частнособственничество, уничтожить 20 миллионов кулаков — самого эффективного класса крестьян. Однако история — вещь непредсказуемая. Вступив на путь «дикого» капитализма, Россия не вспомнила о Бухарине, а ведь было самое время, как всегда, недосуг, шла поголовная приватизация всего и вся, зато Китай заинтересовался наследием экономического теоретика, как без той же очередной революции и смены строя достичь индустриальных результатов. Дэн-Сяопин целый этап в институте марксизма-ленинизма отвел на изучение бухаринских трудов. Массовое изучение и распространение этой теории — основа «китайского чуда». Думаю, вдаваться в подробности не стоит.

И все же у истории к литературе свои вопросы и свой счет. Кто здесь против кого? К примеру, оригинальны и необычны оценки мыслителя и публициста И. Солоневича, как и А. Зиновьева, запрещенного в СССР. Он считал, что русская литература всегда была «оторвана от действительности», во многом являясь скрытой причиной тех же революций. Писатели-классики, постоянно говорившие о «таинственности славянской души», не придавали значения тому, что русский мужик, прежде всего, — деловой человек и трезвый человек. В буквальном смысле слова. По душевому употреблению алкоголя дореволюционная Россия стояла на одиннадцатом месте в мире. Дело русского крестьянина — дело маленькое, но это есть дело. А. А. Яшин — и сам потомок калужских мужиков-землепашцев, читая его роман, мы убеждаемся, что творческий облик писателя неразрывно связан с особенностями его биографии. Автор не пропускает ярких, характерных эпизодов и деталей. Мужик был умнее Бердяевых, так как жил в мире реальных вещей. Бездельники и отвлеченные диванные мечтатели не могли создать империю на 1/6 части земной суши. И факты истории, по мнению И. Солоневича, в чем убеждает и роман «Житие наше оцифрованное», неоспоримы — слабый народ не мог построить великую Империю.

Вполне неслучайна и завершающая новелла в романе А. Яшина — «Отголоски ленд-лиза». Она приурочена к 105-летию начала практики ленд-лиза в мировых войнах. Финал новеллы ознаменован сокрушительным потоплением фанерных американских торпедных катеров как последнего отголоска ленд-лиза. Нечто пророческое. Что дальше? «В России нужно жить долго, тогда что-либо получится», — знал хорошо особенности русского бытия К. Чуковский. Впрочем, не легче жить и во времена великих перемен! Дальше-больше — новая угроза — глобальное расчеловечивание, что не может не наложить свой отпечаток и на литературу, теряющую ведущую роль в обществе, благодаря переходу от творческого мышления к унитарно-цифровому, компьютерному мышлению. Ни герои романа «Житие оцифрованное», ни его автор не хотят отказываться от национальных чувств любви к Родине, ни от «посконно-домотканного» взгляда на мир, гармоничного и при этом солидарного с острым блоковским геополитическим чутьем. Внутреннее преобразование человека и технический прогресс — неразрешимая дилемма бесконечных разговоров на страницах книги А. Яшина, которые имеют уникальное русское свойство затягиваться у наших героев допоздна на гостеприимной кухне и совсем не за одной рюмкой выпитого, что никоим образом не умаляет их интеллектуальной важности для понимающего и вполне солидарного с ними читателя.

Автор дает понять нам: мы не только свидетели, подойдя вплотную к ее истокам, но уже и в какой-то мере участники битвы человека с постчеловеком. В книге Л. Довыденко «Русская мысль и человечество», в очерке об Н. Арсеньеве, современник и друг философа Г. Трубецкой спрашивал: «В настоящий исторический момент чело-

вечество стоит на перепутье. Что же победит в нем — культурный зоологизм или «сердце милующее»? Чем надлежит быть вселенной — зверинцем или храмом?» Н. Арсеньев развивает свою мысль в рамках идеала преобразования. Выбор один: Апокалипсис или преобразование. Русская литература, вобравшая в себя всю глубину национального духовного опыта, должна вернуть его традициям. Еще Г. Успенский говорил о актуальной логике идей девальвации человеческого в постмодернизме.

Есть ли идеальная формула русской жизни для А. Яшина? Он пишет об этой драме человечества, сознательно избирающем роль потребителя в глобальном рынке. Человек уничтожает биосферу, не сохраняет, а значит не может и заниматься переходом ее в высшее состояние — строительство ноосферы, допускающей при разумном эволюционном и техническом подходе сохранить место и для человека. Что такое сегодня писатель в мире караоке и депрофессионализма? Писатель в противовес происходящему должен делать добро и должен не дать победить искусственному. Именно литература призвана остаться целостным феноменом осмысления жизненных явлений. При всем трансгуманизме нельзя утратить русскую художественно-философскую мысль и русскую литературу. Реальный художник в конечном итоге выбирает не путь однодневного плаката, а долгий путь вдумчивого живописца, путь русского Слова — русского глагола.

Алексей Яшин к проблемам современности подошел с глубоким психологизмом, не просто художественно, но и онтологически с точки зрения познания как исследователя социально-этических проблем. Темная сторона цифровизации не закрывает в «Житии нашем оцифрованном» и надежды на лучшее! Ведь этот противоречивый мир, такой необходимый всему человечеству, вместе с героями Алексея Яшина создаем и мы с вами! И в жизни, и в литературе торжествует человек, его совесть и его разум, воедино соединенные с Божественным и вечным!

